

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

© 2010 г. Г. Гловели

В растущем год от года российском массиве учебной и научной литературы (включая и многочисленные публикации “МЭ и МО”) по вопросам геополитики и геоэкономики обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, своеобразное выяснение отношений между геоэкономикой, заявившей о своем статусе науки XXI века¹, и геополитикой, восстановившей легитимность после десятилетий ее оценок исключительно как реакционной концепции на службе у агрессивной политики империалистических государств². Во-вторых, отсутствие внимания со стороны как геоэкономистов, так и геополитологов к истории отечественной экономической мысли.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Зачинатели геоэкономики выдвигали ее как направление, переключающее внимание с военно-стратегических силовых игр на аспекты международной конкурентоспособности, или экономическое измерение глобализации. При этом на первый план выходили проблемы размывания государственного суверенитета трансграничными экономическими потоками³ и инерционности “евразийского неудобья” России⁴. Одновременно открылись многообразные источники геополитического дискурса: возвращение к классической

русской историографии с ее повышенным вниманием к колонизации и своеобразным географическим детерминизмом; освоение интеллектуального наследия русской эмиграции, выдвинувшей идеологию евразийства; рецепция идей Ф. Броделя и школы мир-системного анализа; новая ретроспектива всемирной и отечественной истории с фокусировкой на опыте империй, и прежде всего крупнейшей сухопутной империи – Российской⁵.

Все это стимулировало исследование корней отечественной геополитики вплоть до тиражирования понятия “русская школа геополитики”⁶. Однако характеристики этой школы не выглядят исторически убедительными, сбиваясь на суммативное описание с набором имен и фрагментарных положений без дискурсивной связности и даже без хронологической последовательности.

Выделяя фигуры С.М. Соловьева, Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова, В.О. Ключевского, Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева, В.П. Семенова-Тян-Шанского и евразийцев, историки выводят русскую, как и прочие школы геополитики, из трех источников: концепции локальных цивилизаций, географического детерминизма и военно-стратегических разработок⁷. История экономической мысли из этого контекста выпадает, за исключением отдельных указаний на классическую теорию империализма Гобсона–Гильфердинга–Ленина и сдвоенную модель больших циклов Кондратьева–Валлерстайна⁸.

При оценке глобальных геополитических моделей, выдвинутых В.П. Семеновым-Тян-Шанским

ГЛОВЕЛИ Георгий Джемалович, доктор экономических наук, профессор ГУ-ВШЭ (glovelig@mail.ru).

¹ См.: *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. М., 1995; Геоэкономика против геополитики http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history00-03/mezhuyev-geoekonom/; *Luttwak E.N.* From Geopolitics to Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce // *The National Interest*. Summer 1990; *Agnew J. & Corbridge S.* The New Geopolitics: The Dynamics of Geopolitical Disorder // *A World in Crisis?* Ed. by R.J. Johnston and P.J. Taylor. Oxford–Cambridge, 1992.

² См., например: БСЭ. 2-е изд. Т. 10. М., 1952; БСЭ. 3-е изд. Т. 6. М., 1971.

³ См.: *Жан К., Савона П.* Геоэкономика. М., 1997; *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика. М., 1999; *Неклесса А.И.* Россия в системе геоэкономических координат XXI века / Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999.

⁴ См.: *Гладкий Ю.Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006.

⁵ См.: *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. М., 2004. Ч. 1; *Российская империя в сравнительной перспективе.* Сб. ст. Под ред. А.И. Миллера. М., 2004; *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя. М., 2004; *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

⁶ См.: *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика. 4-е изд. М., 2007. Гл. 4; *Якунин В.И., Зеленев Е. И., Зеленева И.В.* Русская школа геополитики. СПб., 2008.

⁷ См.: *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика. С. 8–17.

⁸ См.: *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2002. С. 174–175, 210–213.

и идеологами евразийского движения П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским, упускается из виду связь этих доктрин с проблематикой национальных производительных сил. Геоэкономисты же не упоминают вовсе ни В.П. Семенова-Тян-Шанского, ни евразийцев, называя отдаленными предшественниками немцев Ф. Листа и Ф. Рерига⁹, а из российских деятелей – лишь Д.И. Менделеева и С.Ю. Витте¹⁰.

Между тем два оригинальных направления отечественной мысли, интеграторами которых были продолжатель энциклопедической традиции А. Гумбольдта В.П. Семенов-Тян-Шанский (1870–1942 гг.) и основатель евразийского движения П.Н. Савицкий (1895–1968 гг.), могут быть с полным основанием охарактеризованы не просто как геополитические, но как *экономико-геополитические* школы. Их обобщения интересны не только для истории геополитических доктрин, но и для современной геоэкономики и методологии сравнительных историко-экономических исследований.

РОССИЯ-ЕВРАЗИЯ – ОСОБЫЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ МИР

Концепция (и критика) евразийской школы традиционно занимает центральное место в изложении российских геополитических идей. Евразийство было школой в полном смысле слова, притом обосновавшей именно геополитический подход к русской истории. Основополагающей здесь стала выдвинутая П.Н. Савицким категория “евразийского месторазвития”.

Концепцию евразийского месторазвития можно считать прямым ответом на концепцию географической оси истории, выдвинутую в 1904–1919 гг. Х. Маккиндером. В белогвардейском Крыму в 1919 г. судьба столкнула с профессором Лондонской школы экономики Маккиндером молодого Савицкого, секретаря министра иностранных дел правительства вооруженных сил Юга России. Отсчет современной истории Маккиндер вел с начала заокеанской экспансии европейских мореплавателей, позволившей Европе подняться над миром, “дотянувшись” до 38 морей и распространив свое влияние вокруг ранее угрожавших самому ее существованию континентальных держав так называемого Осевого региона. В свою очередь, Россия, по выражению Маккиндера, “заместила Монгольскую империю”, выйдя из

северных лесов и осуществляя сухопутную экспансию в сторону Сибири, мобилизовав казаков и взяв под контроль степь.

Как географ Маккиндер внес существенное дополнение в трехчастную схему стадий цивилизации – речная (потапическая), морская и океаническая. Эта схема была обоснована русским политэмигрантом-анархистом Львом Мечниковым (“Цивилизация и великие исторические реки”, 1889 г.) и снискала значительную популярность в Европе. Как ревнитель интересов океанического *Pax Britannica* Маккиндер опасался, что достигнутому Британской паровой империей перевесу среди мировых держав угрожает иницированное Россией трансевразийское железнодорожное строительство. Наконец, он закрепил за Осевым регионом обозначение “Хартленд” (*Heartland*), заимствовав понятие, предложенное его соотечественником Дж. Фейргривом, выделившим такой фактор мирового доминирования Запада, как топливно-энергетическое превосходство (благодаря “Великому угольному поясу” по обе стороны Северной Атлантики)¹¹.

Допуская возможность сдвига центра мировой мощи с запада на евразийский восток, Маккиндер резюмировал свою модель формулой о ключевой роли господства над Хартлендом в доминировании над миром в целом¹². Но вопрос о границах евразийского Хартленда был оставлен открытым. Возможным центром организации Хартленда, по мнению Маккиндера, могла стать не только Россия, но и Германия, а также Китай или Япония.

Модель Маккиндера была рождена эпохой империалистических войн и стандартов мышления, породившей само понятие “геополитика” (Р. Челлен), а затем и оставшееся тогда незамеченным понятие “геоэкономика” (в рамках Мюнхенской школы германской геополитики)¹³. Но особо отразились в концепции Хартленда проблемы, связанные с отношением западных стран к России, Японии и Китаю. Во-первых, завершение “фронттира”¹⁴ (продвижения переселенцев на осваиваемые земли Дикого Запада), поставившее США в ситуацию соперничества с Россией за азиатские

¹¹ См.: *Fauregrieve J.* Geography and World Power. L., 1915. P. 336.

¹² См.: *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. L., 1919. P. 194; *Hauner M.* What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. L. and N.Y., 1992. Ch. 7.

¹³ См.: *Рудо А.* Геополитика / Большая советская энциклопедия. Т. 14. М., 1929. Автор статьи – венгерский коминтерновец, позднее – выдающийся советский разведчик и экономист-картограф.

¹⁴ См.: *Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009.

⁹ См.: *Неклесса А.И.* Геоэкономика / Русский архипелаг. Сетевой проект “Русского мира”(http://www.archipelag.ru).

¹⁰ См.: *Дергачев В.А.* Геоэкономика. Киев, 2002. С. 170–173.

рынки и повлиявшее на формирование американской школы геополитики (А. Мэхэн, Э. Семпл, Б. Адамс). Во-вторых, интересы мирового транзита (С.Ю. Витте) – не только Маккиндеру Великий Сибирский железнодорожный путь представлялся тогда перспективным маршрутом, способным превзойти коммерческой выгодой морской путь через Суэцкий канал. И, наконец, стремительное обновление Японии, заразившейся “лихорадкой распространения западной цивилизации”¹⁵ и включившейся в империалистическую экспансию.

В начале эры Мейдзи Россия Петра Великого была для Японии примером вестернизации¹⁶. Но уже к началу XX в. Запад стал противопоставлять России как наследнице традиций Византийской империи вестернизирующуюся Японию¹⁷. Кроме того, Русско-японская война показала близорукость славянофильских взглядов на азиатскую пассивность в имперском соперничестве, а Портсмутский мир зафиксировал превращение США в мировую политическую державу.

С учетом опыта Второй мировой войны американский политический географ Н. Спикмен скорректировал модель Маккиндера, переакцентировав формулу мирового доминирования в пользу Римленда (*Rimland* – береговая кайма). Большее значение Римленда сравнительно с Хартлендом Спикмен аргументировал тем, что возможности Советской Азии и Монголии далеко не так велики, как предполагал Маккиндер, а основой державной силы СССР остались предприятия его европейской части, несмотря на упорное стремление Советского правительства к сдвигу промышленного производства за Урал¹⁸.

Выросшая из открытых статьей Спикмена дебатов о Хартленде глобальная модель противостояния геостратегических регионов – евразийского континентального мира (с “русским индустриализованным треугольником”) и торговозависимого приморского мира¹⁹ – отразила политические и идеологические реальности холодной войны с ее противостоянием двух лагерей. Но в это же время другой виднейший идеолог евразийского

движения Г.В. Вернадский (профессор в том же Йельском университете, что и Н. Спикмен) воскресил понятие евразийского месторазвития, поместив его в контекст как русской истории, так и стратегии сдвига национальных производительных сил на восток, ставшей приоритетной для большевистского руководства СССР²⁰.

Г.В. Вернадский напомнил о значении этой проблематики для деятелей дореволюционной России, включая экономистов, географов, естествоиспытателей, инженеров. Не кто иной, как его отец академик В.И. Вернадский возглавил в 1915 г. Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), сформулировав ее главную задачу как поиск в российских пределах *всех* химических элементов в необходимых для промышленного использования концентрациях. Подчеркивая, что территория России – это сплошной кусок земной коры, составляющий $\frac{1}{6}$ всей суши земного шара, В.И. Вернадский особенно часто ссылался на ресурсы Алтая и Забайкалья²¹.

В 1919 г. вышла книга последнего директора Императорского МВТУ В.И. Гриневецкого “Послевоенные перспективы русской промышленности”. Она не только впервые обосновала стратегию сдвига российских производительных сил к источникам минерального сырья на востоке, но и с легкой руки Л. Красина была принята В. Ульяновым-Лениным как руководство для Госплана²². Идеологи евразийства приветствовали активные геолого-минералогические изыскания в СССР, усматривая в них предпосылку к смещению промышленности в сторону “монгольского ядра континента”, то есть подтверждение связи исторических заданий России с “геополитической плотью монгольской державы”²³.

В своей книге “Месторазвитие русской промышленности” (1932 г.) П. Савицкий, полемизируя со знаменитым политэкономом М.И. Туган-Барановским, скептически оценивавшим промышленные перспективы России, сформулировал важную для будущей евразийской концепции *дилемму коренного ядра российских областей*. Российская государственность и культура мирового значения сложились в районах, лишенных богатых недр и устремленных на северо-запад – к Европе и

¹⁵ См.: *Кеннингем У.* Западная цивилизация с экономической точки зрения. Т. 1. М., 1902.

¹⁶ См.: *Мечников Л.И.* Эра просвещения в Японии // Дело. 1876. № 10.

¹⁷ См.: *Носков В.В.* Образ России в идеологии американской империи / Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991.

¹⁸ См.: *Спикмен Н.* Heartland and Rimland (1942) / The structure of political geography. Ed. by R.E. Kasperson and J.V. Mingh. L., 1970.

¹⁹ См.: *Cohen S.B.* Geography and Politics in a World Divided. N.Y., 1963.

²⁰ См.: *Вернадский Г.В.* П.Н. Милоков и месторазвитие русского народа // Новый журнал (Нью-Йорк). 1964. № 77.

²¹ *Вернадский В.И.* Об использовании химических элементов в России // Известия Императорской АН. 1915. № 3.

²² См.: *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 260.

²³ *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1932. С. 100.

морю, тогда как природные ресурсы для промышленности крупного масштаба сосредоточены на южных и восточных окраинах империи от донецких степей до Сибири и Туркестана.

После крушения империи Савицкий и другие евразийцы шокировали эмиграцию (в том числе своего бывшего шефа П. Струве) провозглашением “исхода к Востоку”. В статье “Континент-океан” (1921 г.) П. Савицкий подчеркнул, что железные дороги не ликвидировали исторических преимуществ водного транспорта перед сухопутным, поэтому удаленность от океанической торговли предопределяет невыгодное положение России в мировом хозяйстве. Он призывал пересмотреть традиционную российскую внешнеполитическую устремленность к теплым морям, предлагая ориентироваться на внутриматериковое взаимодополнение хозяйственных областей России-Евразии. Отсюда и акцент на ретроспективной переоценке историко-культурного опыта народов Великой Степи – “средиземного моря континентальных пространств”²⁴.

Стоит отметить, что оба названных Савицким элемента относительной “географической обездоленности” России – континентальность и отдаленность месторождений минеральных ресурсов от культурных центров – были не раз отмечены в российской политэкономии XIX – начала XX вв. Более того, высвечивались и дополнительные грани проблемы. Например, популярнейший либеральный профессор Москвы А.И. Чупров указывал на не вполне благоприятное для торговли направление крупнейших рек Европейской России. Для страны выгодно, чтобы места, изобильные хлебными и минеральными ресурсами, лежали в верховьях рек, а главные районы сбыта приходились на устья. Тогда товарообмен совершается наиболее удобно с дешевизной перевозки и наименьшей затратой времени. В России же, скорее, наоборот: из плодородных южных губерний земледельческие продукты отправляются вверх по течению Волги. Черноземная полоса и местности с обилием минерального топлива (например, Донецкий бассейн) также расположены почти у самых устьев рек²⁵.

С.Ю. Витте отмечал рассредоточенность главных районов добывания железа (Урал) и угля (Донбасс) – ключевых минеральных ресурсов для крупной промышленности XIX века²⁶. И Чупров,

и Витте придавали исключительное значение железнодорожному транспорту. Но возможности в удешевлении перевозок были далеко не безграничны. Отмечая, что даже заниженные ставки русских и американских железных дорог в 7–10 раз превосходили стоимость морского транспорта, Савицкий пришел к выводу о том, что ввиду невозможности полноправного участия в мировом “океаническом” хозяйстве, России-Евразии необходима опора на принцип континентальных соседств²⁷.

Концепция России-Евразии как особого географического мира затрагивала не только промышленность и товарообмен, но и историческую основу экономики Российской империи – сельское хозяйство. Резюмируя ход русской колонизации, Савицкий отметил, что, растянувшись флагоподобными широтными полосами, она охватила просторы, большей частью “существенно неевропейские” в смысле пригодности для возделывания корнеплодов и кормовых трав, подсев которых обеспечил в Европе переход к интенсивному земледелию. Прежде всего это касается российской степи, столь благоприятной в иных своих частях (Приазовье и Причерноморье) для пшеницы, но из-за чрезмерной сухости в целом неблагоприятной для плодосмена.

Поэтому российская колонизация, преобразуя отдаленные испокон веков кочевому быту области Великой степи в земледельческие, не обеспечила “европеизации” полеводства – перехода от архаического трехполья к интенсивным многопольно-плодосменным системам земледелия. Интенсификация земледелия возможна лишь для Северо-Западной, Западной и Центральной России и некоторых областей за Уралом, но пространство Южной, Юго-Восточной и Восточной России в целом – область “неизбывного трехполья” с печатью хозяйственной экстенсивности и сохранением своеобразного чувства степи в русском земледельческом населении²⁸.

Экстенсивному хозяйству соответствует образ обширного пространства державы. Частью “исхода к востоку” русских производительных сил является переход степных районов России в зоны отгонного скотоводства, а тех – в пустыни Туркестана, где уже невозможно ни произрастание пшеницы, ни подножный прокорм скота, а необходимо искусственное орошение. Это шанс располагать субтропическими продуктами, не оплачиваемыми данью приморским странам, и одновременно историческое задание по поддер-

²⁴ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 399–402.

²⁵ См.: Чупров А.И. Политическая экономия. Курс лекций. М., 1892. С. 112–113.

²⁶ См.: Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М., 1997. С. 74–75.

²⁷ См.: Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 408, 411.

²⁸ См.: там же. С. 336.

жанию оросительных систем в соприкосновении с миром восточных культур.

Рассуждения П. Савицкого о своеобразии евразийского месторазвития российского сельского хозяйства остались совершенно незамеченными в историографии евразийства. Между тем за этими выводами стояла вековая традиция российской сельскохозяйственной экономики, озадаченной проблемой перехода к интенсивным – многопольным и плодосменным – севооборотам. Последние в течение XIX столетия утвердились по примеру Англии и Бельгии по всей Западной Европе, но в пределах Российской империи – лишь в остзейских и привислинских губерниях²⁹. В остальных частях страны продолжало господствовать архаичное “выбалтывающее землю” трехполье с не виданной в Европе монотонностью посевов хлебных злаков. В результате различные районы Российской империи образовали как бы лестницу разных ступеней земледелия – от целинно-залежной в прикаспийских губерниях, где гулевой скот бродил и размножался на просторе степей, до европейски-плодосменной в Привислинском и Остзейском краях. Основная же часть доуральской России пришла к “перепаханности” угодий под экстенсивное зерновое трехполье при недо-развитии мясомолочного животноводства³⁰.

Теория аграрной эволюции русских экономистов сложилась во многом как результат осмысления трудностей перехода страны к интенсивным системам земледелия³¹. Она подводила к постановке вопроса о смешанном хозяйственном строе с соразмерностью государственного и частного начал и форме хозяйства, адекватной евразийскому месторазвитию России. Протестуя против коммунистического огосударствления экономики, евразийцы приветствовали развертывание индустриализации в восточных регионах СССР. Обозревая результаты первой советской пятилетки, Г. Вернадский в “Опыте истории Евразии” (1934 г.) отметил, что с созданием урало-алтайской каменноугольно-металлургической базы русская промышленность становится подлинно евразийской³². Тем самым завершается многове-

ковой процесс собирания государственной власти в Евразии вокруг Москвы. П. Савицкий считал неизбежным продолжение этой тенденции ввиду того, что наибольшая “полнота естественно-промышленного одарения” обнаружена в алтайско-енисейско-байкальской ресурсоносной полосе, и подчеркивал, что евразийское месторазвитие русской промышленности ориентирует на внимание к истории и культуре уральских, алтайских и степных народностей, поставлявших металл для кочевых империй скифов, тюрков, монголов³³.

МЕСТОРАЗВИТИЕ И ВЕКОВАЯ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЬЮНКТУРА

В концепцию евразийского месторазвития русской промышленности П. Савицкий ввел категорию “вековой технико-экономической конъюнктуры” – смены в глобальном масштабе универсальных (то есть имеющих отношение более или менее ко всем отраслям) промышленных факторов: энергоносителей и конструкционных материалов. Изменения в обеспеченности универсальными промышленными факторами определяют перемещение географических центров промышленности и способность страны быть великой державой.

Московское царство, не располагая рудными запасами, не могло создать промышленности, достойной великой державы. Отвечающую потребностям времени полноту рудных ресурсов Россия находит только в начале XVIII века на Урале – за краем своей европейской части – и становится Империей³⁴. Уральская металлургия завоевала мировое первенство благодаря тому, что Россия была богаче древесным топливом – универсальным промышленным фактором тогдашней Европы. Англия, столкнувшись с недостатком лесов и, следовательно, топлива, была вынуждена ввозить железо из России, металлургия которой к середине XVIII в. достигла высокого по тогдашним мировым стандартам уровня.

Ровно 100 лет назад Е.В. Тарле наделал шуму статьей “Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?”. Именитый (тогда, впрочем, еще молодой) историк считал недостаточным объяснение экономического фундамента экстенсивной мощи русской империи в конце

²⁹ См.: *Карышев Н.А.* Земледелие (экон.). Системы хозяйства / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 23. СПб., 1894.

³⁰ См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов. 1911. С. 57.

³¹ Подробнее см.: *Гловели Г.Д.* Теория аграрной эволюции Н.П. Огановского и геополитическая экономия исторического процесса // Вопросы экономики. 2009. № 2.

³² См.: *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. М., 2005. С. 10.

³³ См.: *Савицкий П.Н.* К вопросу о государственном и частном начале промышленности / Евразийский временник. Кн. пятая. Париж, 1927. С. 290.

³⁴ См.: *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1932. С. 102.

XVIII столетия дешевой крепостного труда и неверной – стереотипную фразу об экономической отсталости России, отразившую реальности следующего, XIX века³⁵. И правильно считал. Но он просмотрел всемирно-исторический процесс последовательной смены основных энергоносителей (древесный уголь–каменный уголь–нефть), подмеченный П. Савицким.

Промышленный переворот с изобретением паровой машины и способа выплавки ковкого железа на коксе обеспечил Англии выгоднейшее использование ее каменноугольных и близлежащих железорудных ресурсов. Утилизация каменного угля обеспечила блестящее продолжение промышленной традиции Англии, а затем континентальной Европы и США – стран “Великого угольного пояса”, по выражению Дж. Фейргрива. Промышленной же традиции России, сосредоточенной в Москве и на Урале, переход мировой техники на минеральное топливо нанес сокрушительный удар.

Ни Москва, ни Урал не имели запасов ископаемого горючего. Уральская металлургия утратила мировое значение, а Россия, оказавшись без универсального промышленного фактора эпохи, скатилась в яму промышленной отсталости. Из нее страна стала выбираться лишь в конце XIX в., когда в ранее пустынных и целинных украинских землях началось освоение близлежащих запасов угля и железной руды (Донбасс и Криворожье), а нефть, найденная на каспийском побережье, стала замещать уголь в качестве универсального промышленного фактора³⁶.

Интересно, что откат России от передового края промышленного прогресса из-за “угольного” фактора, характеризуемый теоретиками современной школы мир-системного анализа как сползание в периферию между правлениями Екатерины II и Николая I³⁷, отразился в вековом тренде снижения “индустриального тонуса” российской экономической мысли. Велеречивый М.В. Ломоносов, современник первого взятия Берлина силою “оружия, приуроченного из гор Российских”, в “Слове похвальном Петру Великому” (1755) гордо указывал на отверстые недра, из коих “проливаются металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распространяются, но и... заемные внеш-

ним народам отдаются”³⁸. А столетие спустя автор официозного “Опыта о народном богатстве” камер-юнкер А.И. Бутовский зафиксировал уже довольно скромную долю России в мировом производстве железа, но утешительно замечал, что промышленные успехи отнюдь не обязательны для высокой степени просвещения, и уповал на черноземное “золотое дно” России³⁹.

Еще век спустя стало складываться мнение о России как о стране, изобилующей промышленными ресурсами. Понятие “экономическая геология”, введенное руководителем НИИ “Поверхность и недра” П.И. Пальчинским⁴⁰, после расстрела Пальчинского ОГПУ исчезло из обихода, но открытия новых рудных месторождений продолжались. Идеологи евразийства интегрировали экономическую геологию в свою доктрину. Однако они не удержались от односторонних интерпретаций (не отметив, например, как это сделали другие представители общественной мысли русской эмиграции, недоразвития транспорта, заложенного в советских пятилетних планах⁴¹) и отдали дань довольно прямолинейному технологическому детерминизму.

В.П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ И ЕГО УЧИТЕЛЯ

Среди прародителей концепции евразийского месторазвития П.Н. Савицкий называл Д.И. Менделеева и патриарха славяноведения, языковеда, историка и фольклориста В.И. Ламанского, автора концепции “срединного мира между собственно Европой и собственно Азией”⁴². Однако о работах их прямого ученика и продолжателя – Вениамина Семенова-Тян-Шанского – Савицкий умалчивал. Умалчивал, вероятно, потому, что сложившиеся к 1919 г. воззрения Семенова-Тян-Шанского оставались в основе своей европоцентристскими в противоположность замкнутой на “монголосферу” евразийской геософии самого Савицкого.

Вениамин Семенов-Тян-Шанский сформировался как географ и статистик широкого диапазона

³⁵ См.: *Тарле Е.В.* Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной // *Русская мысль*. 1910. № 5. С. 27.

³⁶ См.: *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. С. 105.

³⁷ См.: *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2100 // *Свободная мысль*. 1996. № 5. С. 38.

³⁸ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2001. С. 55.

³⁹ См.: *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб., 1847. Т. 2. С. 90.

⁴⁰ См.: *Пальчинский П.И.* Экономическая геология. М., 1926.

⁴¹ См.: *Прокопович С.Н.* Идея планирования и итоги пятилетки. С предисловием П.Н. Милюкова. Париж, 1934; *Васильев С.А.* Великая железнодорожная держава // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1951. № 26.

⁴² *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка // *Славянское обозрение*. СПб., 1892. № 1–4.

под непосредственным влиянием отца, знаменитого путешественника и сенатора Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914 гг.). Он воспринял также традицию антропогеографии и политической географии, заложенную прямым предшественником германской школы геополитики Ф. Ратцелем (1844–1903 гг.). Понятия “геополитика” В. Семенов-Тян-Шанский не употреблял, но *политическую географию* определял как “географию территориальных и духовных господств (или могуществ) человеческих сообществ”, а *экономическую* – как географию “производительных сил, естественных или искусственных”⁴³. Такой подход стал предтечей созданной им концепции, которую можно назвать *экономико-геополитической*. Плодотворная сама по себе, она к тому же придала целостность оригинальному направлению русской общественной мысли, заданному рядом “славных ученых и общественных деятелей, наиболее глубоко задумывавшихся над державным положением России”⁴⁴, – Д.И. Менделеевым, В.И. Ламанским, П.П. Семеновым-Тян-Шанским, А.И. Воейковым. Все они были учителями В. Семенова-Тян-Шанского.

Надо сказать, что Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, интерес к которому в наше время заметно вырос⁴⁵, часто заслоняет крупная фигура его прославленного отца. Это приводит к досадной путанице. Например, известный историк и публицист В.Г. Сироткин приписал не кому-нибудь, а В. Ульянову-Ленину “революционную геополитику”, которая-де учла капитальную работу “знаменитого путешественника акад. Петра Семенова-Тян-Шанского (выделено Сироткиным. – Авт.), *посмертно вышедшую в Петрограде в 1915 г.*” (выделено мной. – Авт.). Речь идет о ныне ставшей хрестоматийной работе “О могущественном территориальном владении применительно к России”⁴⁶. Но ее написал именно Вениамин Семенов-Тян-Шанский, а не его покойный к тому времени отец, многолетний руководитель Центрального статистического комитета и Русского географического общества.

Работой отца, оказавшей непосредственное влияние на будущую экономико-геополитическую

концепцию сына, был приуроченный к 400-летию открытия Нового Света доклад П.П. Семенова-Тян-Шанского “О значении России в колонизационном движении европейских народов” (1892 г.). В нем Семенов-Тян-Шанский-ст. отметил, что сухопутным материковым продвижением России к Берингову проливу замкнулось колонизационное кольцо, которым обогнула земной шар европейская раса. Число уроженцев Западной Европы, переселившихся за океан со времени Великих географических открытий (90 млн. человек), соотносится с численностью славяно-русского населения, мигрировавшего в Азиатскую Россию (35 млн.), примерно так же, как пропорция моря и суши на Земле (73.2 к 26.8%).

Примечательно, что этот доклад П.П. Семеновым-Тян-Шанским был сделан незадолго до появления эпохальной статьи Ф.Дж. Тернера “Значение фронта в американской истории” (1893 г.), и оба автора писали о земельной колонизации материковых просторов как *предохранительном клапане* от обеднения населения и социальных бедствий. Видный деятель крестьянской реформы 1861 г., Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский с удовлетворением отмечал быстрый рост народной аграрной миграции в азиатскую часть России после отмены крепостного права. Впоследствии он приветствовал переселенческую политику во время столыпинского землеустройства.

Лекции Д.И. Менделеева, ставшего тогда энергичным пропагандистом “национальной экономики” в духе Ф. Листа, Вениамин Семенов-Тян-Шанский слушал студентом Петербургского университета. Позднее он выступил рецензентом известной книги Менделеева “К познанию России”, где автор опирался на результаты первой всероссийской переписи населения (1897 г.), проведенной под руководством Семенова-Тян-Шанского ст. Геополитически наиболее важной в трактате была постановка вопроса о трех центрах российского государства: политическом (столица), географическом (центр поверхности) и демографическом. Менделеев сделал вывод о необходимости приближения центра народонаселенности к географическому центру страны для ее дальнейшего развития.

По расчетам Д.И. Менделеева, центр народонаселенности Российской империи находился в Тамбовской губернии между городами Козловым (ныне Мичуринск) и Моршанском, тогда как центр поверхности – в пустынных местностях Енисейской губернии (в районе Туруханска). В 1920-е годы по инициативе В. Семенова-Тян-Шанского в Петрограде-Ленинграде была создана Центрогра-

⁴³ См.: Семенов-Тян-Шанский В.П. Что такое география? // Известия РГО. Т. LI. 1915. Вып. 9. С. 476–477.

⁴⁴ Семенов-Тян-Шанский В.П. Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение // Пути сообщения Севера. 1919. № 6–7–8. С. 52.

⁴⁵ Отрадное событие недавнего времени – издание обширных мемуаров Семенова-Тян-Шанского. См.: Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В 2-х томах. М., 2009.

⁴⁶ Сироткин В.Г. Почему Троцкий проиграл Сталину? М., 2004. С. 29; *его же*. Византийский чин. М., 2006. С. 34–36.

фическая лаборатория им. Д.И. Менделеева (просуществовала до 1934 г.) во главе со статистиком Е.Е. Святловским (1890–1942 гг.).

Наконец, А.И. Воейков, автор капитальных исследований о влиянии различных составляющих географической среды на народное хозяйство России и зарубежных стран, был прямым предшественником В. Семенова-Тян-Шанского в фундаментальных работах по геурбанистике и хозяйственному районированию Европейской России. В. Семенов-Тян-Шанский развил предложенный Воейковым принцип классификации экономических районов на зональные и азональные, сделал обобщение, что торговля и промышленность группируются наиболее интенсивно по преимуществу на морских побережьях и в азональных районах внутри стран. Подразумевается, что в районах этого типа сосредоточены промышленные производства, не зависящие от зонального расположения *поверхностных* богатств (флора и фауна), соответствующих почвенно-климатическо-биогеографическим зонам. Критерием экономической развитости страны В. Семенов-Тян-Шанский предложил считать степень развития в ней азональных экономических районов, как более свободных от естественных условий территории и вызванных более высокими потребностями населения, если только эта азональность не связана исключительно с присутствием ископаемых богатств⁴⁷.

Для глобальной экономико-геополитической концепции В. Семенова-Тян-Шанского существенное значение имела работа Воейкова “Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара?” (1904 г.). В ней были подвергнуты проверке участвовавшие к началу XX в. предсказания о превращении Великого океана в “Средиземное море будущего”. Воейков ввел глобальные категории Атлантического и Тихоокеанского торговых бассейнов, систематизировав обширный материал о транспортных возможностях Атлантического и Тихого океанов и впадающих в них рек, пределах густоты европеоидного населения в тропическом климатическом поясе, продовольственных и минеральных ресурсах отдельных стран. Тщательная сводка данных, попарное сопоставление районов обоих океанов по климатически-поясному принципу позволили Воейкову сделать прогноз (подтвердившийся), что в течение XX столетия Атлантический океан сохранит за собой значение величайшего торгового пути земного шара.

Среди затронутых Воейковым аспектов было и влияние колонистов-европеоидов на экономическое развитие туземных областей. Неспособность европейцев и североамериканцев к земледельческому труду в тропиках создавали, по мнению Воейкова, предпосылки для освоения азиатской тропической области на основе китайской и японской миграции, чему в то время чинили препятствия западные колонизаторы (североамериканцы на Филиппинах, французы в Индокитае, голландцы на Зондских островах). Зато преимуществом центрально-южноамериканской области Воейков считал близость богатых рынков, особенно североамериканского и английского. С прогрессом океанического пароходства они дали сильный толчок возделыванию тропических плодов (в 1901–1902 гг. было организовано еженедельное пароходное сообщение из Ямайки в Бристоль и Ливерпуль с главным грузом – ананасами и бананами). Следует, однако, заметить, что оборотной стороной этого “преимущества” было закрепление монокультурной, часто плантационной специализации.

Основы глобальной экономико-геополитической концепции В. Семенова-Тян-Шанского, вошедшей и развившей размышления его учителей о всемирной колонизации и державном положении России, были изложены в 1915 г., когда ученый вошел в руководимую В.И. Вернадским Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), а также в Междудеятельную комиссию по выработке пятилетнего плана железнодорожного строительства. Как представитель РГО и Министерства промышленности и торговли Семенов-Тян-Шанский убедил Междудеятельную комиссию в первоочередности сооружения двух магистралей: северной сибирской и южной среднеазиатской, которые должны были дополнить уже построенные Транссиб и дорогу Оренбург–Ташкент. По словам Семенова-Тян-Шанского, благодаря дороге Оренбург–Ташкент Сыр-Дарья “впадает в Европейскую Россию”.

То же самое в отношении Аму-Дарьи сулила магистраль от пристани Чарджуй (Чарджоу) до поселка Александров Гай в Саратовской губернии⁴⁸. Что касается северной сибирской железной дороги, то ее предназначением Семенов-Тян-Шанский считал обеспечение сочетания в хозяйственном обороте зональных (поверхность) и азональных (недра) природных ресурсов Севера и Сибири. Вместе с В.П. Семеновым-Тян-Шанским настоя-

⁴⁷ См.: Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.–Л., 1928.

⁴⁸ Второй журнал заседаний Междудеятельной комиссии по выработке 5-летнего плана железнодорожного строительства. Пг., 1916. С. 5, 16.

тельность сооружения высокоширотной северной магистрали, которая обогнула бы северную границу зоны русского земледелия (как Транссиб обогнул южную), отстаивал известный художник, первый живописец Арктики и энтузиаст Великого северо-восточного пути А.А. Борисов (1866–1934 гг.).

Пятилетний план железнодорожного строительства был сорван развернувшимися в России революционными событиями, но “северно-железнодорожная” составляющая исследований В.П. Семенова-Тян-Шанского сделала его имя авторитетным среди российских инженеров-путейцев⁴⁹. Благодаря этому его вторая концептуальная экономико-геополитическая работа “Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение” увидела свет в журнале “Пути сообщения Севера” (1919 г.). Одновременно была написана монография “Район и страна” (опубликована в 1928 г.), конкретизировавшая некоторые положения, впервые выдвинутые в статье “О могущественном территориальном владении применительно к России”.

ТИПОЛОГИЯ МОГУЩЕСТВЕННОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ

Концепция В.П. Семенова-Тян-Шанского в геополитической мысли XX в. занимает особое положение. Основной акцент в ней сделан на историко- и геоэкономической проблематике, но при этом отсутствуют крайности в противопоставлении талассократии и теллуократии⁵⁰, Хартленда и Римленда, атлантизма и евразийства. Такой подход позволил не только предвосхитить геоэкономическую триполярность современного мира, но и наметить вариант цивилизационной концепции, которая преодолела бы разобщенность социокультурного изучения локальных цивилизаций с анализом природно-экологических и научно-технологических факторов экономического прогресса.

Возникновение наиболее сильных и оригинальных цивилизаций и центров государственности Семенов-Тян-Шанский связывал в первую очередь с пространствами вокруг трех “мировых средиземных” морей – Европейского, Азиатского

(Китайское – Южное и Восточное – с Желтым и Японским) и Американского (Карибское с Мексиканским заливом). Эти три “средиземных моря” опоясаны полосами плодородных земель и в большем или меньшем отдалении – пустынями (от Сахары до Гоби в Старом Свете, Мексиканской и Перуанской в Америке).

Пространства пустынь способствовали “общению с далью и небом” и религиозным озарениям. Пророки приносили из пустынь скрижали завета на соседние плодородные земли, а благодатные побережья давали начало торговым сообщениям. Поэтому цивилизационным лидером становился “тот народ, который завладевал одним из этих средиземных морей, соединял на более или менее продолжительное время воедино всю цепь их благодатных побережий, в то же время удерживая более или менее в сфере своего влияния окрестные пустыни, вследствие чего... и считался “господином мира”⁵¹.

Семенов-Тян-Шанский выделял три типа территориального могущества держав: “кольцеобразное” (охват средиземного моря), “клочкообразное” (“разбросанное” по берегам океанов) и “от моря до моря”. В древности принципу “от моря до моря” пытались следовать персидские Ахемениды и Александр Македонский. Римляне “заковали в кольцо могущественного владения” Европейское Средиземное море. Сочетание того и другого типа характерно для арабского, а позднее османского владычества. В уменьшенных масштабах “кольцеобразного” типа территориального могущества достигла Венецианская республика на Адриатике.

“Клочкообразное” владение с опорой на периодические рейсы военных и коммерческих кораблей первыми применили Испания и Португалия, затем – Голландия и Франция и с наибольшим успехом – Англия. С появлением трансконтинентальных железных дорог Англия пыталась скомбинировать эту систему в Африке и Азии с системой “от моря до моря”. Вдобавок она также эффективно использовала вспомогательную систему создания защитных государств-буферов. В то же время соперница Англии – Германия – пожелала одновременно добиться и “клочкообразного” владения отдельными колониями в разных частях света (“борьба за место под солнцем”), и сплошного континентального движения на восток и юг – через славян к Средиземному и Чер-

⁴⁹ Включая знаменитого профессора Н.А. Белелюбского, строителя многих железнодорожных мостов, в том числе через Иртыш, Тобол, Илим, Обь, Енисей на Транссибе.

⁵⁰ Талассократия и теллуократия (буквально в переводе с греческого “моревластие” и “землевластие”) – понятия, восходящие к Геродоту и введенные немецким политическим философом К. Шмиттом в современную геополитику как антитеза морских и сухопутных держав.

⁵¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Федерализм. 1996. № 2. С. 149.

ному морям (“Средняя Европа”). Но такая погоня за двумя зайцами повлекла за собой катастрофу всего германского колониационного движения в Первой мировой войне.

Систему “от моря до моря” наиболее полно реализовали два гиганта Северного полушария – Россия и США. Причем российская колонизация, хотя и создала государство наибольшего материкового протяжения, приняла, по выражению В. Семенова-Тян-Шанского, вид “постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце”. Североамериканцы оказались в лучшем положении: не имея грозных политических соседей, они смогли спокойно перелить колониационную волну от Атлантического океана на Дальний Запад к Тихому океану и укрепить ее экономически; а затем уже заполнять слабее населенный географический центр своей территории. Семенов-Тян-Шанский прогнозировал дальнейшую экспансию США на Американском “средиземном море”, так же как Японии – на Азиатском “средиземном море”, рассматривая их как реализацию испытанной европейцами “кольцеобразной” системы могущественного владения.

Последующая история XX в. явила крах японского геополитического экспансионизма на Азиатском “средиземном море”, и успех США сначала во Второй мировой, а затем в холодной войне благодаря достигнутому только ими уникальному сочетанию трех систем могущественного территориального владения. Оно же позволило Соединенным Штатам, с одной стороны, проводить геостратегию давления на Римленд, с другой – содействовать превращению области вокруг Азиатского “средиземного моря” в новый мировой полюс экономического роста.

Стоит заметить, что В. Семенов-Тян-Шанский упомянул, но не анализировал подробно важное обстоятельство – наличие у Европы второй (северной) группы “средиземных морей”. Ее экономико-геополитическое значение запечатлено историей Ганзейского торгового союза, торгово-промышленного взлета Республики Северных Нидерландов, недолговечного балтийского великодержавия Швеции и Петровских реформ в России. Русский экономист И.В. Вернадский (отец академика и дед евразийца) в свое время выделял значение установления контроля над Северным морем и выходом из него в Атлантический океан для великодержавия Англии⁵², а Д.И. Менделеев

подчеркивал, что именно недружелюбие европейского северо-запада вынуждает Россию заводить флот на Тихом океане. Менделеев довольно благодушно смотрел на закосневший и униженный Китай, призывая к “теснейшему политическому и таможенному и всякому иному” союзу с ним как противовесу союзу Англии с “дерзкой подражательной” Японией⁵³.

В.П. Семенов-Тян-Шанский не был столь благодушен, полагая, что вероятный “азиатско-тихоокеанский всплеск” со стороны Японии и Китая и воинствующий германизм в Европе – две “остаточные” колониационные волны, таящие с двух сторон угрозу российскому могуществу “от моря до моря”.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОЛОНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: ЗАПАД И РОССИЯ

Концепция колониационных волн, веками распространявшихся по материковому пространству Старого Света в разные стороны от Индостана, стала существенным ретроспективным дополнением глобальной экономико-геополитической модели В.П. Семенова-Тян-Шанского. Ученый выделил две первичных тысячелетних волны миграции – белой расы к северо-западу и желтой расы к северо-востоку. Докатившись до берегов соответственно Атлантики и Тихого океана, обе колониационные волны повернули вспять и двинулись внутрь материка навстречу друг другу. Оседлое земледельческое население обеих рас заполнило плодородные долины, “выбрасывая” в места с более суровыми природными условиями менее взыскательные кочевые племена скотоводов и звероловов.

“Желтая” азиатско-тихоокеанская миграция сошла лавиной кочевников на широкие степные пространства Монголии, Сибири, Средней Азии, значительной части Восточно-Европейской равнины. Кочевники-степняки, налетавшие порывами и на запад, и на восток, образовали авангард желтой расы, а интенсивное огородно-мотыжное земледелие в пределах застывшей китайской государственности – арьергард. Белая раса избежала такого раздвоения, поскольку раньше обуздала напор своих кочевых элементов, располагавшихся сравнительно узкими полосами (по северному фронту – скифы и сарматы Причерноморья, по южному – кочевые племена Аравии и Северной Африки). Однако первоначальная экономическая

⁵² См.: *Вернадский И.В.* Политическое равновесие и Англия. СПб., 1855.

⁵³ См.: *Менделеев Д.И.* Проблемы социально-экономического развития России. М., 1960. С. 125.

однородность европейско-атлантической миграционной волны, расширявшей пояс экстенсивного земледелия “выбросами” военно-торговых “волн”, все же нарушилась.

Европейский романо-германский Запад, осуществив заокеанскую колонизацию, предоставил восточному славянству совершить на севере Евразии фланговый обход азиатско-тихоокеанской миграционной волны. Тем самым после многовековых столкновений европейско-атлантический поток обрел мировой масштаб. Атлантическая волна миграции докатилась до Тихого океана лишь в виде слабого русского “всплеска”, но кочевые наматы из Азии прекратились. Территориальное могущество России распространилось “от моря до моря”, но на русском расширяющемся востоке, в противоположность европейскому западу, не появилось интенсивного земледелия и промышленности, обычно органически выраставшей из городского ремесла.

Таким образом, В. Семенов-Тянь-Шанский вписал в контекст глобального колонизационного процесса осмысленные русской исторической и экономической мыслью XIX в. противоположности Запада и России. Главные из них: 1) “каменный Запад” (прочность и определенность форм, замки своевольных феодалов, вольные города) – “деревянная Русь” (центробежная “растекаемость” населения, редкость городов и центростремительная государственность, поднаторевшая в умении “ловить, усаживать и прикреплять”⁵⁴); 2) западное городское специализированное корпоративное мастерство – российские домашние сельские оптовые ремесла (ориентированные не на качество, а на дешевизну изделий⁵⁵); 3) внедрение во всей Западной Европе основанного на травосеянии и плодосмене интенсивного земледелия – сохранение в России экстенсивного парового трехполья⁵⁶; 4) активность западноевропейской торговли при стимулирующем воздействии морей и впадающих в них рек – вялость континентальной российской торговли при не слишком благоприятном для внутреннего грузооборота режиме рек⁵⁷.

⁵⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Книга VII. М., 1991. С. 45.

⁵⁵ См.: Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М., 1861. С. 209.

⁵⁶ См.: Карышев Н.А. Земледелие (экон.). Системы хозяйства / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полном 23. СПб., 1894.

⁵⁷ См.: Ивановов И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М., 1891. С. 69.

Вслед за выдающимся историком А. Щаповым В. Семенов-Тянь-Шанский восторгался “истинно богатырским” характером русской колонизации и одновременно указывал на ее малую экономическую результативность. Русское “богатырское раздолье трех дорог – лесной, лесостепной и степной” с землей “плоской как кленовый лист”⁵⁸ не содействовало развитию городов, выраставших на Западе при земельной стесненности, расчлененности рельефа и близости к морям. Земельный простор не прикреплял русское население к деревянным строениям и ремеслам. Московское государство, обратившись в Российскую империю, осталось страной с преобладанием “мелкоты торговли” и недоразвитием городской жизни. Обширные горнозаводские поселения имперского периода, разбросанные по громадной территории, обособились отдельными округами от лежащих подле равнинных и степных поселений и не устранили слабости внутриобластного и межобластного обмена.

“АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ ВСПЛЕСК” КАК ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ

Отдаленность друг от друга географического, политического и демографического центров России предопределила уязвимость державного положения, сгладить которую, по предположению В. Семенова-Тянь-Шанского, можно было бы либо переносом столицы в область “Русской Евразии” между Волгой и Енисеем, либо созданием в пределах этой области новых колонизационных культурно-экономических баз. Они могли бы дополнить четыре основные колонизационные базы Великой Русской равнины – Киевско-Черниговскую, Новгородско-Петербургскую, Московскую и Средневожскую – и создать условия для выравнивания потенциала Европейской и Азиатской России.

В. Семенов-Тянь-Шанский наметил четыре возможные новые колонизационные базы – Урал, Алтай, центральноазиатское Семиречье и Кругобайкалье. Он представлял их себе как “бойкие азональные” торгово-промышленные полосы, стягивающие полосы зональные – хлебо- и лесоторговые и скотоводческие⁵⁹. Таким образом, речь шла о создании региональных предпосылок для распространения на “Русскую Евразию” экономической культуры, ориентированной не

⁵⁸ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 3.

⁵⁹ См.: Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. С.157.

на вывоз природных ресурсов с окраин, а на их местную промышленную переработку.

Считая, что континентальность обрекает Россию на неизбежную поспешность в совершенствовании путей сообщения и приоритетность внутренних экономических связей, В. Семенов-Тянь-Шанский тем не менее призывал уделять максимум внимания возможному естественному продолжению рельсовых магистралей в сопредельные страны. Здесь его взгляды сходились с позицией столь влиятельного поборника железных дорог, как С.Ю. Витте. Еще в самый канун XX в. Витте аргументировал (но не был поддержан царем) необходимость среднеазиатской железнодорожной линии Чарджуй–Александров Гай тем, что она “в полной мере удовлетворяет интересы мирового транзита”⁶⁰.

В. Семенов-Тянь-Шанский рассматривал железнодорожное строительство в контексте взаимодополнения широтных и меридиональных путей сообщения – не только в национально-государственном, но и в мировом масштабе. В докладе “Будущие чрезматериковые пути сообщения”, сделанном на общем собрании РГО (1919 г.), он наметил 7 возможных трансконтинентальных магистралей (4 широтных и 3 меридиональных), которые могли бы связать мир в единое экономическое пространство. Причем 5 из них (3 широтных и 2 меридиональных) пересекали бы российскую территорию.

Но активного сотрудничества в создании мировых путей в дезинтегрированном мире того времени не получилось. Советская Россия двинулась по траектории ресурсно-технично-экономического обособления. В планах социалистической индустриализации СССР недооценивалась транспортная составляющая и нередко игнорировался (особенно применительно к Северу) принцип сочетания зональности и азональности в освоении ресурсов. В дальнейшем ситуация усугубилась “сдвигом к морям” в мировой экономике второй половины XX в., созданием портово-промышленных комплексов – азональных (по терминологии В. Семенова-Тянь-Шанского) районов вблизи морских побережий. Этот процесс охватил не только атлантический Запад, но и промышленный Новый Восток, поднявшийся на побережьях Азиатского “средиземного моря”: “экономические чудеса” Японии, НИС и, наконец, Китая с его самыми вы-

сокими в мире темпами не только роста промышленности, но и использования фрахта⁶¹.

В. Семенов-Тянь-Шанский, отмечая, что “тихоокеанские интенсивные земледельцы за китайской стеной сохранили в целостности всю свою нетронутую потенциальную энергию”, рассматривал возможную угрозу со стороны самого обширного государства желтой расы все же как геополитическую, а не геоэкономическую. Однако экономический рост и экономическая экспансия КНР и других восточно-азиатских стран с развитыми портово-промышленными комплексами, как и более раннее экономическое чудо “богатой бережьем” Японии, превратили отмеченный ученым “азиатско-тихоокеанский всплеск” в геоэкономический вызов для России.

Показательно, что в 2008 г., когда пятерку крупнейших контейнерных портов мира составили исключительно города на побережьях Южно-Китайского (Сингапур, Сянган-Гонконг, Шэньчжень), Восточно-Китайского (Шанхай) и Японского (Пусан) морей (а в мировую десятку кроме них вошли также Каошунь на Восточно-Китайском и Циндао на Желтом море), началось движение поездов по железнодорожному маршруту Ляньюньган–Москва. Желтоморский порт Ляньюньган, связывающий растущую китайскую железнодорожную сеть со всей областью Азиатского “средиземного моря”, видится в ближайшем будущем как восточный край евразийского “железнодорожного моста”, соединяющего два мировых полюса экономического роста (западный край – крупнейший европейский порт Роттердам). Это отвечает интересам мирового транзита, но означает умаление роли Транссиба и дальнейшее вытеснение России на “обочину мира”.

Геоэкономический вызов для России со стороны Азиатского “средиземного моря” затрагивает и такую возрастающую по значимости сферу экономики, как туризм. В. Семенов-Тянь-Шанский, будучи вместе с бывшим министром земледелия А. Ермоловым одним из основателей Русского общества туризма и отчизноведения, сетовал, что чужеземное западноевропейское “прекрасное далеко” вимает с России “дань, какой не платили наши предки татарам”⁶². Ныне эту дань взимают не только западные и восточносредиземноморские, но и юго-восточноазиатские страны. И причина не только в климате и отдаленности от теплых морей, но и в отсутствии на российских

⁶⁰ *Vitte С.Ю.* Собр. соч. и документальных материалов в 5 томах. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 1. М., 2002.

⁶¹ См.: *Ваккерман Г.* Транспорт, торговля, туризм и мировая экономическая система // *Международный журнал социальных наук.* Вып. 18. М., 1997. С. 35.

⁶² *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Туризм и отчизноведение в России // *Пути сообщения Севера.* 1919. № 6–7–8. С. 33.

пространствах разнообразия приятных для глаза впечатлений и недоразвитой инфраструктуре. В то время как Россия имеет отрицательный баланс по статье “Туризм”⁶³, доходы Китая, Сингапура, Южной Кореи и “второго эшелона” НИС (Индонезия, Малайзия, Таиланд) по этой статье в начале XXI в. растут быстрее, чем где-либо в мире.

В. Семенов-Тянь-Шанский считал перспективным для России познавательный туризм больших пространств⁶⁴. Не исключено, что в XXI веке такой вид туризма может развернуться на территории России, смыкаясь с набирающим популярность экстремальным туризмом. Если, конечно, позаботиться об инфраструктуре многочисленных географически примечательных мест (от Кольского полуострова с глубочайшей в мире скважиной до Камчатки с ее вулканическими грядками).

* * *

История российской экономико-геополитической мысли дает богатую пищу для размышлений, причем не только ретроспективного, но и злободневного характера.

Во-первых, отечественная экономическая мысль по меньшей мере – столь же важный источник российских геополитических концепций, как и мысль военно-политическая, географическая, культурологическая.

Во-вторых, институциональные ограничения (эффект колеи, или *path dependence*⁶⁵), столь значимые в экономической и цивилизационной истории России, во многом обусловлены геоэкономическими факторами – евразийским месторазвитием, отдаленностью от мировых “средиземных морей”, отсутствием интенсивного земледелия, ресурсно-промышленной рассредоточенностью.

В-третьих, при всех различиях в идеологии концепция евразийства и модель могущественного владения В. Семенова-Тянь-Шанского исходили из необходимости сдвига населения и производительных сил страны на восток. Именно такая стратегия была принята в советское время, несмотря на то что тогдашняя идеологическая доктрина исключала прямое продолжение традиции этих российских экономико-геополитических школ. Когда же крушение коммунистической идеологии

позволило возобновить эти традиции, обнаружилось, что рывок отечественной крупной индустрии на восток к азиатским источникам сырья, не подкрепленный соответствующим развитием других сфер (включая инфраструктуру), завершился в XX в. возвратным оттоком населения из недоосвоенных зон (особенно Кругобайкаля и Дальнего Востока) и усугублением демографической асимметрии.

Распад СССР продолжил эту тенденцию, и теперь по грузообороту всех портов Россия уступает Сянгану или Шанхаю, а крупнейший из российских портов – новороссийский – находится лишь в конце пятой десятки мировых. В то же время лимитирующие факторы российской континентальности (климат, бездорожье, энергоемкость) не замедлили сказаться на конкурентоспособности российской обрабатывающей промышленности, особенно на рынках рядовых массовых изделий⁶⁶.

Таким образом, главное, чему учит наследие российских экономико-геополитических школ – это трезвая оценка возможных ответов на геоэкономические вызовы современного мира и осознание, в частности, неизбежности структурных перекосов в национальном хозяйстве. Речь идет не только о сырьевом крене, но и о деформациях в сельском хозяйстве – недоразвитии животноводства, оторванного от земледелия (решение проблемы самообеспечения зерновыми, и даже их экспорт, не отменяет потребности в мясном импорте). Эти перекосы глубоко укоренены исторически, что понимали российские экономисты и геополитики начала XX в. – в отличие от их современных коллег.

Что касается положительных уроков, то к ним можно, по-видимому, отнести переформулировку геоэкономической стратегии развития. Не догоняющая постиндустриализация или консервативная модернизация, а, в соответствии с терминологией В. Семенова-Тянь-Шанского, достижение высокой степени развития азональности экономических районов, не связанной исключительно с добычей полезных ископаемых. Вопрос в том, как достигнуть этого без близости к благодатным побережьям мировых средиземных морей.

Ключевые слова: евразийское месторазвитие, вековая технико-экономическая конъюнктура, азиатское “средиземное море”, глобальные миграционные волны, интересы мирового транзита, “азиатско-тихоокеанский всплеск” как геоэкономический вызов.

⁶³ См.: Щербакова С.А. Международные туризм: экономика и география. М., 2007. С. 70.

⁶⁴ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Туризм и отчизноведение в России // Пути сообщения Севера. 1919. № 6–7–8. С. 36.

⁶⁵ См.: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.

⁶⁶ См.: Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. М., 2009. Гл. 2.